

Ракель
Арбетета

Любовь и расчет

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
А79

Raquel Arbeteta García
AMOR Y CONVENIENCIA

Copyright © 2023, Raquel Arbeteta
Translation rights arranged by IMC Agencia Literaria, SL
All rights reserved.

Перевод с испанского *Анастасии Гостюниной*

Иллюстрация на обложке *Таисии Шарабьевой*

Арбетета, Ракель.

А79 Любовь и расчет / Ракель Арбетета ; [перевод с испанского А. Гостюниной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-193566-5

Лондон, 1844 год. После ужасного несчастного случая, когда единственным спасением Хоуп Мод становится имя ее отца-виконта, балльные залы больше ничего не могут ей предложить.

Кайдэн Даггер — один из самых успешных бизнесменов столицы, но его скромное происхождение портит его репутацию. Единственная цель Кайдэна — связь, которая откроет ему двери на вершину общества.

Хоуп и Кайдэн, кажется, идеально подходят друг другу. Это будет выгодный союз. Однако им придется задуматься: возможно ли превратить брак по расчету в настоящую любовь?

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-193566-5

© Гостюнина А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается моим подругам —
главной любви моей жизни*

 Пролог

Лондон, 1837 г.

В очередной раз Хоуп грустно прислонилась лбом к окну, выпуская пар изо рта и рисуя на запотевшем стекле сердце, которое она затем торопливо стерла, — если бы это увидела ее мать, сидящая в той же гостиной, то непременно отчитала.

— Кузина Аннабель дебютирует в свете уже в следующем сезоне, — прошептала она себе под нос. — Когда же настанет и мой черед?

— К чему такая спешка? — ответила ей виконтесса сухим и строгим тоном, и, хотя Хоуп не видела ее лица, она прекрасно знала, что его выражение как всегда бесстрастно. — Неужели ты считаешь, что уже к этому готова?

— А как я буду к этому готова, если мы никогда никуда не ходим?

Наступило молчание.

— Ты еще слишком мала.

Хоуп вот-вот должно было исполниться пятнадцать. Она уже не была «слишком маленькой», по крайней мере, не младше своих кузин и прочих родственниц того же возраста. Конечно, не все из них были официально представлены высшему свету, однако они часто посещали другие дома, получали приглашения на чай, покупали платья согласно последнему пisku моды, совершали променады в компании подруг и гувернанток по площадям и паркам Лондона и даже путешествовали на юг

Англии во время летнего сезона. Хоуп Мод же не делала ничего из вышеперечисленного, и, как ни старалась мать скрыть причины, девочка знала, что главным виновником проблем был Патрик Мод, лорд Лоури.

Хоуп уже давно перестала называть его отцом.

Молодой леди ее положения, достопочтенной старшей дочери виконта, не следовало укрываться дома, чтобы сократить расходы и избежать того, чтобы другие увидели ее потрепанную, явно изношенную одежду. Что еще хуже, она по-прежнему одевалась как ребенок: в короткие, плохо сидящие платья, без корсета, а волосы укладывала в косы с белыми лентами, спадающими на плечи.

Она никогда не носила дорогих украшений — большинство из них уже давно заложили. В семье сохранились лишь те, которые мать надевала на обязательные светские мероприятия. Одной из главных драгоценностей было жемчужное ожерелье, которое было на виконтессе в данный момент, — единственный сохранившийся след роскоши во всей этой зловещей картине, которую представляла собой парадная гостиная их дома.

Хоуп старалась не обращать внимания на слухи, распространяемые остальной лондонской аристократией, но укрыться от них целиком было для нее невозможно — иногда ей казалось, что они пробиваются даже сквозь каменные стены холодного палладианского особняка и достигают ее ушей:

«Виконт утащит их на дно».

«Они совершенно разорены».

«У них не осталось ничего, кроме титула».

Она слышала, как эти слова доносились с улицы за пределами палисадника: шепот, в котором сливались яд и жалость к девочке, разодетой как кукла, вынужденной наблюдать за жизнью из окон своего старого дома.

Однако лорд Лоури, казалось, был совершенно глух к этим сплетням. У него не было физических проблем со слухом, хотя Хоуп уже не была в этом так уверена, поскольку он не слушал ни собственную жену, ни дочь — своего первенца, ни младшего сына — наследника титула (единственное, что ему мог-

ло перейти от отца), ни немногих оставшихся друзей, ни даже кредиторов. А последних становилось все больше, и они кричали все громче и громче.

«Невозможно, чтобы он их не слышал, — думала Хоуп. — Скоро они нас утопят, а он будет дальше посещать салоны с азартными играми как ни в чем не бывало, не обращая внимания на наши беды».

— Хоуп. — Девочка вздрогнула, услышав голос матери. — Отойди от окна. Сколько раз тебе говорить?

Хоуп тяжело вздохнула и отвернулась от стекла.

— И сядь как следует.

— Зачем? — горько улыбнулась она. — Все равно меня никто не видит.

— Тебя могут увидеть слуги.

— Ты имеешь в виду Глэдис и ее мужа?

— Довольно. А ну-ка сядь как следует.

Хоуп фыркнула, но подчинилась приказу. Однако она не могла спокойно сидеть на месте и начала барабанить каблуком своей правой туфли по ковру.

— Хоуп, хватит!

— Но ведь я ничего не делаю!

— Нога.

Еще раз фыркнув, она решила встать. Сама того не замечая, она стала расхаживать по комнате кругами. Когда-то здесь было много картин, в том числе и ее собственное изображение, но все, что имело хоть какую-то ценность, давно заложили. Она представила себе, что ее портрет украшает чей-то дом, где все гадают, кто эта грустная девушка. «Или же его использовали для растопки камина».

Она забавлялась тем, что обводила пальцем корешки книг, гладила тяжелые занавески или тонкие фарфоровые статуэтки, а иногда, когда мать не смотрела, выделявала танцевальные па. Беатрис Мод, леди Лоури, решила сесть в одно из потерянных кресел и заняться шитьем — не декоративными работами, увлекающими дам ее положения, а починкой одежды, которая, судя по размеру, принадлежала младшему брату Хоуп, Генри.

Леди выглядела расстроенной и время от времени предостерегающе поглядывала на дочь.

Пределом для жены виконта стала нескладная песенка Хоуп, которую та мурлыкала себе под нос:

— Хоуп Клементина Беатрис Мод, сядь ты наконец спокойно! Ты уже не ребенок!

— Мама, так вразумите, ребенок я или нет? — спросила Хоуп, хлопнув в ладоши. — Получается, как вы говорите, я уже не ребенок, чтобы танцевать и рисовать что мне вздумается, но и не взрослая, чтобы выходить в свет, заводить дружбу и... — Хоуп запнулась, почувствовав, как у нее краснеют щеки, — влюбляться.

— Влюбляться? — рассмеялась Виконтесса, не отрывая глаз, изумрудно-зеленый цвет которых передался дочери, от иголки с ниткой. — Если ты столь наивна, то, боюсь, ты и правда еще неразумное дитя.

— Что вы хотите этим сказать?

— А что, по-твоему, ищут мужчины, милая Хоуп? — Иголка исчезла из вида, утонув в ткани. — Хотя неважно, что ты ответишь: в тебе не имеется ничего из этого.

Хоуп притихла. Она разгладила ткань старого кремового платья и посмотрела на свои руки. Ногти на правой руке были обкусаны, а на левой — той, которой она тайком рисовала всевозможных сказочных существ, — остались следы угольного карандаша.

Она знала, что не отличается особой красотой, потому что сравнивала себя с дамами из журналов, которые оставляла ей кузина, и часто присматривалась к Аннабель, самой многообещающей красавице в семье. Хоуп блекла в сравнении с ней. Ее волосы были не светлыми и ухоженными, а каштановыми и слегка вьющимися. Ее фигура еще не приобрела женственные черты, а нос был несколько широковат и покрыт рыжими веснушками. Больше всего ей нравились ее зеленые глаза, но и они были вечным напоминанием о матери, так что даже эта особенность вызывала у нее некоторую неприязнь.

Леди Лоури была права: она не так прекрасна. И все же она верила, что ее энтузиазм и жизнелюбие привлекут какого-нибудь хорошего человека и он захочет забрать ее из этого дома. Он купит ей красивые платья для танцев, и в его поместье будет наполненная светом комната, где она сможет спокойно рисовать в окружении детей. Она обязательно будет их баловать, пусть, может, и не роскошью и богатством, но любовью. Это было то единственное, что могли позволить себе ее родные, но они лишили ее и любви.

— Неужели во мне нет никакой ценности? — отважилась ответить Хоуп, но уже без прежнего возмущения, а скорее, смиренно.

Ее мать, казалось, на мгновение задумалась над этим вопросом — этого было достаточно для того, чтобы вселить надежду в Хоуп, а затем полностью ее уничтожить.

— Пожалуй, сила титула и связей твоего отца, — заключила наконец Леди Лоури. — Конечно, только при условии, что он и их не проиграет.

Хоуп уже собиралась ответить, когда из дверного проема послышался грохот. Виконтесса быстро повернулась и отложила работу в сторону. Затем она встала и подняла руку в ее сторону.

— Останься здесь, Хоуп. Глэдис! Глэдис, что это было? Генри в порядке?

На несколько секунд воцарилась тишина, затем грохот повторился, и в коридоре послышалась тяжелая поступь. Раздался возглас удивления, перешедший в крик боли. Это была Глэдис, их старая горничная, давно ставшая членом семьи и второй матерью для Хоуп. Девочка подавила вопль, отражающий голос экономки, прежде чем дверь гостиной распахнулась.

В комнату вошли трое мужчин. Хоуп никогда раньше не видела никого подобного — не из-за одежды, грубой и темной, но довольно простой, а из-за их невероятного роста и агрессии, которая словно пар исходила от огромных тел. У всех на поясах висели дубинки и современные пистолеты. В два шага они оказались перед леди Лоури, которая застыла как парализованная.

— А где же ваш дорогой муженек? Он дома? Пришло время ему ответить по счетам.

У говорящего был сильный, немного невнятный акцент, а голос очень хриплый, но Хоуп все прекрасно понимала, как и ее мать. Беатрис открыла было рот, чтобы ответить, но через секунду закрыла. Ее губы, сухие и сжатые, вибрировали в беззвучном крике, пытаясь подобрать ответ, соответствующий такой грубости. Три вооруженных незнакомца в гостиной виконтессы Лоури; это было настолько немыслимо, что леди потеряла всякий дар речи. Казалось, она больше не может держать себя в руках, словно ей снится кошмар. Это стало еще более очевидным, когда один из мужчин сделал шаг ближе, и она пошатнулась в сторону, едва не упав на стул.

— Вы в курсе, сколько ваш муж должен нашему боссу? У нас не осталось больше способов повлиять на него, миледи, мы исчерпали все возможные средства. И мы невероятно устали.

Должно быть, это был их лидер. По крайней мере, так думала Хоуп, стоя посреди комнаты, такая же неподвижная, как и ее мать, хотя внутри у нее все кипело. Только когда один из троих мужчин повернулся и подошел к книжному шкафу, чтобы забрать книги одну за другой, девушка шагнула вперед.

— Здесь нет ничего ценного!

Она не знала, откуда взялись силы. Во всяком случае, она заставила самого крупного из мужчин перевести на нее взгляд. Он улыбнулся.

«Может, я вправду все еще глупый ребенок».

— А я думаю, что здесь есть что-нибудь ценное, крошка.

Громила повернулся и протянул руку, свободную от пистолета, в сторону ее матери. Нет, не к ней самой. Он навис над жемчужным ожерельем, которое обрамляло длинную шею женщины и которое она никогда не снимала, даже ночью. Хоуп знала причину: как только она оставит его на комод, виконт отнесет ожерелье в ломбард, а потом в тот же день растратит полученное состояние в притонах, игорных клубах или дру-

гих злых мест, которые только можно представить. И эти деньги улетучатся, как пепел в камине.

— Не тронь мою маму!

Словно вихрь, в мгновение ока Хоуп преодолела расстояние, отделявшее ее от мужчины, который боролся с обессиленной от шока леди Лоури. Двое других были слишком заняты, обыскивая комнату и запихивая в карманы всевозможные ценности, поэтому Хоуп схватила руку главаря, сжимавшую ствол пистолета, и начала трясти ее.

— Глупая девчонка! Отвяжись!

— Отпусти маму! Отпусти мамин жемчуг!

Экономка, которая до этого момента подозрительно молчала, снова закричала в коридоре. Потом Хоуп услышала, как открылась огромная входная дверь, и еще больше шума донеслось со двора, где находился Роберт, единственный оставшийся у них на службе лакей. Крики были так далеко, что лишь легко касались сознания девочки.

— Хоуп, остановись! — Наконец ее мать смогла сформулировать мысли в слова. — Прекрати!

— Ах ты, мелкая тварь!

Громила отшвырнул Хоуп на пол, резко потянув за ожерелье — нитка не выдержала и порвалась. Жемчужины полетели во все стороны. Вожак зарычал, злобно нахмурился и с силой схватил виконтессу за локоть.

— Говори, где остальные драгоценности!

— Н-нет... больше ничего нет, — заикаясь, пролепетала Беатрис.

— Ложь!

Он направил на нее дуло пистолета, и леди разрыдалась. Хоуп никогда не видела ее в таком состоянии. Оставалось загадкой, как та еще не потеряла сознание.

Сидя на полу, девочка прикусила нижнюю губу и краем глаза наблюдала, как один из мужчин берет с полки маленькую лакированную шкатулку с сусальным золотом. Ее любимую. В прежние времена, когда у них еще были деньги, она всегда была наполнена сладостями. Теперь в ней ничего не хранилось.

И если они ничего не предпримут, то во всем доме ничего не останется. Не будет даже мамы, потому что мужчина не намеревался отвести от нее пистолет.

«Этого не может быть».

Грохот от разлетающихся по комнате вещей и плач Беатрис Мод заполнили гостиную. От ужасающего контраста с обычной тишиной особняка у Хоуп волосы встали дыбом. На руках, на ногах, на затылке. Внезапно словно ток пронесся у нее по жилам, пробуждая ото сна. Она поняла, что, за неимением других вариантов, ей самой придется выступить в роли рыцаря, чтобы спасти даму.

Она вскочила на ноги с той энергией, за которую ее всегда отчитывала мать, и бросилась на мужчину, целившемся в леди Лоури. Было очевидно, что у нее нет никаких шансов на победу, но это было неважно. Единственное, что имело значение, — это дать отпор и заставить его убраться из дома.

Мужчина не успел даже охнуть, когда она накинута на него. От неожиданности он спустил курок.

От грохота выстрела время словно остановилось.

Затихли все звуки, пыль очага повисла в воздухе, выражения лиц застыли в гримасе удивления и боли. И тут время снова запустилось, понеслось с невероятной скоростью.

Хоуп схватила ртом воздух, вскрикнула и рухнула. Прижавшись к полу, она уронила голову набок и вцепилась пальцами в короткий ворс ковра, который так надоел ей за все бесконечно тянущиеся дни в одиночестве дома. Ковер, как и все ее платье, моментально окрасился в красный, пропитался горячей жидкостью, разливавшейся узором вокруг нее. Кровь заполнила собой все: зрение, запахи, осязание.

Даже в воздухе повис металлический привкус.

— Хоуп! — воскликнула ее мать.

Выстреливший мужчина не успел среагировать. Только когда один из его спутников схватил его за воротник рубашки и дернул, ему удалось сдвинуться с места и побежать к двери.

— Мы еще вернемся, если виконт не заплатит! — крикнул он напоследок.

Это угроза уже ничего не значила. Женщины в зале проигнорировали ее. Старшая, все еще рыдая, опустилась на колени рядом с дочерью, судорожно водя глазами из стороны в сторону: от двери — к девочке, от жемчужин на полу — к крови, которая их залила. Дрожащими руками она провела по лицу Хоуп, а затем по своему, мокрому от слез и пота.

— Ну откуда такое упрямство, Хоуп? Глупая, глупая, глупая девчонка!

Ее маленькая дочка не могла говорить. Пуля в левой ноге пронзала все ее тело болью, словно расплавленная сталь разливалась по ее мышцам, сломанной кости, смешивалась с ее кровью.

Хоуп не кричала, потому что ее нога уже делала это за нее.

Красная жидкость, казалось, покидала ее, как покидало все, что она знала в своей жизни: отец, мать, друзья, деньги... Ее шансы влюбиться... Даже ее любовь к себе, чувство, которым она была обязана своему достоинству, осознанию того, что она чего-то стоит. Ее надежды. Все, что существовало для нее прежде, утекало вместе с кровью.

И как бы ни залечили ей кровоточащую рану, Хоуп знала, что потеряла все это навсегда.